

Причудливая окраска некоторых птиц, нарочито излишние рога, гривы, бивни некоторых млекопитающих, сложные манеры поведения у многих животных, само существование секса как такового (и, как следствие, романтические песни по радио и все когда-либо написанные стихи о любви) — с большой вероятностью всё это развилось благодаря паразитам, потому что ради выживания все организмы должны развиваться как можно быстрее.

Мойзес Веласкес Манофф, «Эпидемия отсутствия».

Кенго Косака, после окончания колледжа устроившийся в небольшую местную компанию по разработке систем, по некоторым причинам, заставлявшим всех невольно поднимать бровь от удивления, спустя год решил уволиться. С тех пор это начало повторяться примерно с той же периодичностью, и Косака, переходя с одной работы на другую, неожиданно впал в депрессию. Однако о своём недуге он не подозревал; даже в самые тяжкие времена, когда он был настолько подавлен, что процесс дыхания находил рутинным, даже когда он вдруг понял, что его разум нередко посещает навязчивая мысль о смерти, и даже когда он без ведомой на то причины начинал рыдать по ночам, он думал, что всему виной зимние холода.

Это произошло зимой, когда ему было двадцать семь лет. Необычной, странной зимой. Были встречи и расставания. Были приятные совпадения и неприятные происшествия. Были вещи, изменившиеся до неузнаваемости, и вещи, не изменившиеся совсем.

В ту зиму он испытал довольно позднее чувство первой любви. То была девушка, что младше его на десять лет. Безработный молодой человек в состоянии депрессии и прогуливающая школу любительница насекомых. С какой стороны ни взгляни, это неправильно. Но это любовь.

— Пожизненное спаривание? — переспросил Косака.

— Да, до самой смерти, — девушка кивнула. — Половину жизни спайник парадоксальный проводит со своим партнёром.

Она достала брелок и протянула его Косаке.

— Это спайник парадоксальный.

Косака пододвинулся, чтобы лучше его осмотреть. Выглядела фигурка несколько упрощённо и сделана была как будто по подобию существа с двумя парами крыльев. Передние и задние крылья отличались друг от друга, причём передняя пара раза в три превышала размеры задней. На первый взгляд — просто бабочка.

— Несмотря на его красивую внешность, спайник парадоксальный является самым что ни на есть паразитом, принадлежащим к классу моногенетических сосальщиков.

— Похож на обычную бабочку.

— Приглядишься. Видишь, у него нет усиков?

Как она и сказала, у существа не было антенн. Можно было предположить, что их опустили в угоду упрощения дизайна, но девушка уделила этому внимание, соответственно, отличие было важным.

— Этот брелок изображает двух спайников парадоксальных, соединённых крест-накрест, — она скрестила пальцы.

— Ты упомянула, что они занимаются пожизненным спариванием... — сказал Косака, пытаюсь найти подходящие слова. — После соединения они постоянно занимаются сексом?

— В некотором смысле да. Мужские половые органы одной особи присасываются к женским половым органам другой.

— А может быть иначе?

— Спайник парадоксальный имеет как мужские, так и женские половые органы. Это называется гермафродитизмом. Может показаться, что они способны жить и без партнёра, занимаясь самооплодотворением, но по какой-то причине спайники парадоксальные так не делают, поэтому сначала они прилагают все усилия ради поиска пары, а уже после начинают обмениваться спермой.

— Шикарная у них жизнь, — Косака горько усмехнулся.

— Сам факт того, что они нуждаются в посторонних, чтобы заниматься тем, на что способны и в одиночку, отвратителен, да? — согласилась девушка. — Но нам есть чему у них поучиться. Например, спайник парадоксальный не привередлив в выборе особи для спаривания. Словно считая любовь с первого взгляда волей судьбы, он без всяких сомнений соединяется с первым встречным из своего вида. А ещё он не покидает своего партнёра до самой смерти. Стоит им присосаться, и они никогда друг друга не отпустят. А если ты попробуешь их разъединить, они умрут.

— Так вот почему спаривание пожизненно, — сказал впечатлённый Косака. — Потрясающе. Прямо счастливая супружеская пара.

— Да. Как одного поля ягоды, как переплетённые корни, — гордо произнесла девушка, словно Косака похвалил кого-то из её родственников. — В дополнение скажу, что эти паразиты живут в карпах кои.

— Кои?

— Да... этакие «паразиты любви». Прекрасное совпадение, не находишь? Более того, спайник парадоксальный, которому удалось обжиться в кои, в течение двадцати четырёх часов вызывает у рыбы слепоту. Так что кои, как любовь, слепы.

— Любовь слепа... — повторил он вслух. — Никогда бы не подумал, что доведётся услышать нечто столь романтическое из твоих уст.

В ответ на эти слова девушка распахнула глаза, словно только пришла в чувство, и прикрыла лицо руками.

— В чём дело?

— ... Теперь мне кажется, что половые органы, спаривание и прочее — это далеко не те вещи, о которых мне стоит разглагольствовать при людях, — её щёки порозовели. — Чувствую себя такой душой.

— Не переживай, это познавательно, — Косака хихикнул, найдя волнение девушки смешным.

— Расскажи ещё. О паразитах.

Некоторое время она молчала, а потом тихо продолжила. Косака внимательно слушал.

<http://tl.rulate.ru/book/5373/96693>